

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-56-69

Поминальные таблички *ихай* в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН, их этнокультурный контекст и история собрания

А.Ю. Синицын

Аннотация. В японском собрании МАЭ РАН представлено много предметов, интересных не только своими художественными особенностями или этнографической ценностью, но и замечательной историей собрания, за которой нередко стоят весьма примечательные персоны. В данной статье речь пойдет о трех поминальных табличках *ихай* (位牌), из собрания музея. Подобные таблички, начиная с периода Камакура, выступают неотъемлемым аксессуаром буддийского похоронного ритуала. Обычно изготавливаются из дерева и покрываются черным и / или золотым лаком; состоят из нескольких декорированных резьбой ступеней подставки, завершающейся «лотосовым пьедесталом», и самой таблички, установленной на пьедестале. С наличной стороны пишется посмертное имя (*каймё*: 戒名), рядом указывается дата смерти по системе *нэнго*: (年号) – эра, номер года, месяца, дня, иногда – и возраст покойного. Не существует единой «стандартной» формы поминальной таблички, ибо разные школы японского буддизма предлагают свою особую форму *ихай*, а также характерную для традиции данной школы «формулу» буддийского имени. С развитием в период Мэйдзи фотографического дела на табличках также помещаются ритуальные фотографии покойного (*иэи* 遺影). Одна из хранящихся в МАЭ табличек была привезена известным отечественным китаеведом, японоведом и тангутологом профессором А.И. Ивановым (1878–1937) из поездки в Японию в 1912 г. в составе обширной коллекции. Данная табличка с именем и фотографией упокоившейся женщины имеет вполне стандартную форму и очевидно участвовала в похоронных ритуалах. Две другие таблички относятся к японской коллекции выдающегося отечественного этнографа Л.Я. Штернберга (1861–1927), участвовавшего в III Всетихоокеанском конгрессе в Токио в ноябре 1926 г. Эти две таблички, несмотря на традиционные форму, материалы и технику изготовления, вызывают определенное чувство недоумения, ибо на них вместо *каймё*: указаны фамилия знаменитого японского антрополога Цубои Сёгоро (坪井博士), скончавшегося в 1913 г. в Санкт-Петербурге, и написанная азбукой *катакана* фамилия профессора В.В. Радлова (1837–1918), директора МАЭ с 1894 по 1917 г. В статье рассматриваются возможные причины и сопутствующие обстоятельства появления этих табличек в собрании МАЭ.

Ключевые слова: МАЭ РАН, поминальные таблички ихай, этнография, научный конгресс, А.И. Иванов, Л.Я. Штернберг, Н.А. Невский, Цубои Сёгоро, Янагита Кунио.

Автор: Синицын Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Восточной и Юго-восточной Азии, МАЭ (Кунсткамера) РАН (адрес: 199034 Университетская наб., 3, Санкт-Петербург). ORCID: 0000-0001-7392-1837; E-mail: asin@kunstkamera.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Синицын А.Ю. Поминальные таблички *ихай* в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН, их этнокультурный контекст и история собрания // Японские исследования. 2024. № 2. С. 56–69. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-56-69

The *ihai* mortuary tablets in the MAE (Kunstkamera) RAS collection: Ethno-cultural environment and history of acquisition

A. Yu. Sinitsyn

Abstract. The Japanese collection of the MAE RAS contains many objects that are interesting not only for their artistic features or ethnographic value, but also for the amazing history of acquisition, very often connected with remarkable people. This article focuses on three *ihai* 位牌 mortuary tablets in the MAE collection. Since the Kamakura period, such tablets were used as an integral accessory of Buddhist funeral ritual. Conventionally, the *ihai* are made of wood and coated with black and/or gold lacquer; consist of a stand with several levels, decorated with carvings and topped with a “lotus pedestal,” and the tablet itself, installed on the pedestal. On its front side, a mortuary name (*kaimyō* 戒名) is carved. The *nengō* 年号 date of death (era, number of the year, month, day) and, sometimes, the age of the deceased are indicated, too. There is no “standard” form of memorial tablets because different schools of Japanese Buddhism offer their own special form of *ihai*, as well as a Buddhist name “formula”. With the development of photography in the Meiji period, ritual photographs of the deceased (*iei* 遺影) were also placed on the tablets. One of the tablets stored in the MAE was brought by a famous Russian scholar of Far-Eastern studies Professor A.I. Ivanov (1878–1937) from a trip to Japan in 1912 as part of his extensive collection. This tablet with a *kaimyō* and photograph of a deceased woman has a conventional shape and obviously participated in the funeral rituals. The other two items belong to the Japanese collection of ethnographer Professor L.Ya. Sternberg (1861–1927), who participated in the Third Pan-Pacific Congress in Tokyo in November 1926. These two tablets, despite their traditional form, materials, and ornamental techniques, cause a certain feeling of puzzle because, instead of a *kaimyō*, they present the “civil” surname of a famous Japanese anthropologist Tsuboi Shogoro 坪井博士, who died in 1913 in Saint Petersburg; and the surname of Professor V.V. Radlov (1837–1918), director of the MAE from 1894 to 1917, written in katakana alphabet. This article discusses the possible reasons and accompanying circumstances of the appearance of these tablets in the MAE collection.

Keywords: MAE RAS, *ihai* mortuary tablets, ethnography, scientific congress, A.I. Ivanov, L.Ya. Sternberg, N.A. Nevskiy, Tsuboi Shogoro, Yanagita Kunio.

Author: Sinitsyn, Alexander Yu., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of East and South East Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg, 199034 Universitetskaya Emb., 3). ORCID: 0000-0001-7392-1837; E-mail: asin@kunstkamera.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Sinitsyn, A.Yu. (2024). Pominal'nye tablichki *ikhai* v sobranii MAE (Kunstkamera) RAN, ikh etnokul'turnyi kontekst i istoriya sobiraniya [The *ihai* mortuary tablets in the MAE (Kunstkamera) RAS collection: Ethno-cultural environment and history of acquisition]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 56–69. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-56-69

Введение

Пространство любого музея состоит, прежде всего, из экспозиций, тематических или региональных; экспозиции – из выставочных шкафов и витрин; в шкафах расставлены экспонаты. Экспонатов много, от нескольких сотен до нескольких тысяч на каждой экспозиции. И за каждым экспонатом стоят особые обстоятельства его бытования, приобретения

и попадания в музей, личность собирателя, изъявшего этот предмет из его этнокультурной среды, а также личность мастера, этот предмет создавшего; порою эти обстоятельства сплетаются в драматическую историю.

Поводом для написания данной статьи послужила попытка изучения истории поступления в музей одного из экспонатов, установленного в шкафу «Буддизм» экспозиции «Япония» МАЭ РАН, а именно небольшой поминальной табличке *ихай* (位牌)¹, иллюстрирующей, по задумке создателей экспозиции, аксессуар буддийского похоронного ритуала². Экспонат этот на первый взгляд ничем особо не примечателен, вполне традиционен и весьма органично вписывается в тематическую подборку окружающих его других культовых предметов, представленных в упомянутой витрине.

Однако надпись, вырезанная на данной табличке, указывавшая имя упокоившегося, вызывала искренне удивление и недоумение наших японских коллег³, неоднократно посещавших музей: 坪井博士之霊 (Цубои хакасэ-но тама) – буквально, «Душа доктора Цубои». Японские гости были озадачены вопросом, связана ли эта табличка с именем профессора Цубои Сёгоро (Цубои Сё:горо: 坪井正五郎, 1863–1913), выдающегося японского ученого-антрополога, или подразумевается какой-то другой «доктор Цубои», однофамилец знаменитого ученого. Вопрос о том, каким образом эта поминальная табличка оказалась в собрании МАЭ и какое отношение она имеет к «тому самому» Цубои Сёгоро, является фокусом данного небольшого исследования.

Функционирование *ихай* в японском похоронном обряде

Поминальные таблички *ихай* (буквально, «ранговые таблички», 位 *и* – «ранг», 牌 *хай* – «табличка») уже много веков используются в Японии как один из важных аксессуаров буддийского похоронного церемониала. Считается, что они восходят к китайским поминальным табличкам предков *ра́иуэ́й* (牌位). Появление *ихай* в Японии связывается с развитием ритуалов школ дзэн-буддизма в период Камакура (1185–1333), а широкое распространение практики использования *ихай* в похоронных ритуалах относится к периоду Эдо (1600–1868).

Существует несколько видов *ихай* с различным функционалом.

Сразу после смерти человека создается *ути-ихай*⁴ (内位牌), временная табличка, в которой в течение сорока девяти дней пребывает *тама*⁵, «душа» покойного. Такая табличка устанавливается на временном поминальном алтаре *тю:индан* (中陰壇), вокруг которого происходит панихида (*цуйто:кай* 追悼会) и другие поминальные обряды вплоть до ритуала 49-дня. После этого временный алтарь разбирают, таблички сжигают, а душа «переселяется» в табличку *хон-ихай* (本位牌 «основной *ихай*). Подобные таблички устанавливаются на домашнем алтаре *буцудан* на 49-й день со дня кончины человека, заменяя временные таблички *ути-ихай*, и находятся там на постоянной основе. Эти же таблички выставляются на праздник О-Бон на специальном алтаре (*сэйрэй-дана* 精霊棚 или *бон-дана* 盆棚) в память об умерших родственниках. Через посредство этих табличек родственники общаются с душами своих

¹ Музейный номер МАЭ № 3448-15/1.

² Создателями экспозиции 1969 г. были Г.А. Гловацкий и Р.А. Ксенофонтова. К сожалению, в посвященной открытию этой экспозиции статье ее автор (Г.А. Гловацкий) никак не комментирует данный предмет, отнеся его к локусу «и другие предметы религиозного обихода» [Гловацкий 1970, с. 181].

³ МАЭ РАН участвовал в ряде совместных проектов в Национальном музее этнологии, г. Осака (МИНПАКУ), и японские коллеги из МИНПАКУ неоднократно посещали МАЭ и осматривали его японские коллекции.

⁴ Называемые также *но-ихай* (野位牌) и *сираки-ихай* (白木位牌).

⁵ Может записываться как 霊 или 魂.

почивших предков, почитают и поклоняются им, приносят им соответствующие подношения, как установленные обычаем, так и отражающие их «прижизненные» индивидуальные предпочтения.

Отдельной разновидностью поминальных табличек выступают т.н. храмовые таблички *тэра-ихай* (寺位牌), которые устанавливаются (иногда еще при жизни заказчика) в поминальном зале *ихай-до*: (位牌堂) того или иного буддийском храма. Многие японские семьи на протяжении нескольких поколений бывают связаны с определенным храмом, в жизни которого активно участвуют и которому приносят регулярные пожертвования, поэтому могут рассчитывать на то, что получают достойные посмертные имена как убежденные буддисты, и монахи этого храма будут регулярно упоминать их имена в своих молитвенных ритуалах.

Таким образом, сакральный символизм японских поминальных табличек отражает типичный для японского религиозного сознания концептуальный синкретизм: под буддийским «куполом» сочетаются элементы культа предков, религиозного конфуцианства, синто и рудиментов архаичного шаманизма⁶. При этом очевидно противоречие буддийской философии представлений о существовании «души» *тама* и ее способности к «переселению» в сакральные объекты *ёрисиро* (憑代 притягивающие к себе синтоистские божества) и *синтай* (神体 вместилище божества). Поминальные таблички *ихай* представляют собой разновидность таких культовых предметов, в которых может находиться душа человека.

Конструкция и материалы поминальных табличек

Обычно все поминальные таблички изготавливаются из дерева, они состоят из пьедестала-подставки и собственно таблички (*фуда* 札⁷). Упомянутые выше временные таблички *ути-ихай* – более простые в изготовлении и не покрываются лаком, сохраняя естественный «белый» цвет дерева, поэтому их также называют *сираки-ихай* (白木位牌), буквально, «табличка из неокрашенного дерева».

На лицевой стороне подобных «временных табличек» буддийские монахи наносят черной тушью светское имя покойного (*дзокумэй* 俗名) и присвоенное ему после смерти заупокойное «буддийское» имя (*каймё*: 戒名), составленное из иероглифов, имеющих благопожелательный смысл (в буддистском понимании), соответствующий достоинствам скончавшегося человека. Рядом указывается дата смерти по системе *нэнго*: (年号). Иногда также указывается и возраст покойного.

Таблички *хон-ихай*, предназначенные для более длительного бытования, также изготавливаются из дерева, но при этом покрываются черным или золотым лаком в изысканной технике *макиэ*⁸; с наличной ее стороны (обычно, золотым лаком по черному фону) пишется «буддийское» имя упокоившегося, а также дата смерти. С появлением и развитием в период Мэйдзи фотографического дела на табличках также довольно часто помещаются ритуальные фотографии покойного (*иэи* 遺影, буквально – «оставленная тень»).

⁶ Так, идею о связи синтоистских ритуалов с рудиментами японского шаманизма неоднократно высказывали Янагита Кунио и Н. А. Невский, а вслед за ними – крупнейший отечественный исследователь шаманизма народов Сибири, Дальнего Востока и Сахалина Л.Я. Штернберг. Об этом см. далее.

⁷ Формой такие таблички напоминают миниатюрный вариант деревянных ритуальных жезлов *сяку* (笏), использовавшихся представителями придворной аристократии во время дворцовых ритуалов, а также одноименные жезлы синтоистских жрецов.

⁸ Поэтому такие таблички также называют *нури-ихай* (塗位牌) – «лаковые таблички». Лаковое покрытие, с одной стороны, защищает *ихай* от неблагоприятного воздействия влажного климата; с другой стороны, применение довольно сложных лаковых техник превращает табличку в произведение декоративно-прикладного искусства.

Не существует единой «стандартной» формы поминальной таблички, ибо разные школы японского буддизма⁹ предлагают свою особую форму *ихай*, а также характерную для традиции данной школы «формулу» буддийского имени. Кроме того, во многом выбор формы и размера таблички зависит от воли усопшего или его наследника¹⁰, обычно выступающего в роли организатора и главного распорядителя заупокойных служб в память его родителей. Так, можно встретить *ихай*, украшенные декоративным навершием *гибо:си* (擬宝珠) в форме луковицы; иногда таблички могут иметь вид киота (*дзуси* 厨子) с распашными дверцами и декоративными металлическими накладками. В настоящее время популярны таблички нестандартной формы, выполненные по индивидуальному заказу.

Табличка *ихай* из собрания А.И. Иванова

Хранящиеся в МАЭ три таблички имеют самую распространенную форму: состоят из нескольких декорированных резьбой ступеней цоколя на четырех фигурных ножках, завершающегося «лотосовым пьедесталом», на который и устанавливается сама табличка¹¹. Покрыты черным и золотым лаком.

Наиболее типичным можно считать *хон-ихай* МАЭ № 2072-304, что был привезена известным отечественным востоковедом и этнографом профессором Алексеем Ивановичем Ивановым (1878–1937) из поездки в Японию в 1912 г.¹² в составе обширной коллекции, им же и описанной. На с. 13 описи этой коллекции (МАЭ № 2072) он дает краткую характеристику этого предмета: «Фотография гейши в деревянном лакированном киоте – надгробный памятник»¹³. Действительно, табличка имеет погрудный фотографический портрет довольно молодой женщины¹⁴ в официальном облачении, с официальной прической; портрет круглой

⁹ Некоторые школы, например, *Дзё:до: синсю:*, вместо табличек используют свитки *какэдзюку* с именем упокоившегося. О функционировании *ихай* в японском похоронном ритуале см.: [Irizartу 2014, p. 60–86].

¹⁰ На просторах интернета можно найти информацию, как современные японцы выбирают *ихай* для своих почивших родственников. Например, женщина-блогер, ведущая блог Kimagure Naochan Kitchen в посте от 05.06.2016 рассказывает, какими идеями она руководствовалась, когда подбирала поминальные таблички для отца и бабушки. См.: ИНАИ: Japanese Memorial Tablet // Kimagure Naochan Kitchen. <https://naochankitchen.blogspot.com/2016/06/ihai-japanese-memorial-tablet-english.html> (Дата обращения: 18.12.2023).

¹¹ Примечательно, что «классическая» форма пьедестала *хон-ихай* близка к пьедесталам буддийских статуй. Действительно, сакральность образа упокоившегося подчеркивается использованием в его адрес обращения *хотокэ* (仏) – буквально, «Будда». Этим же термином обозначаются и статуи будд.

¹² Профессор Санкт-Петербургского императорского университета А.И. Иванов специализировался в области китаеведения, японоведения, тангутологии, лингвистики и этнографии; много и плодотворно сотрудничал с этнографом Л. Я. Штернбергом; с 1908 г. по приглашению последнего работал в качестве штатного сотрудника МАЭ, где возглавлял Отдел культурных стран Азии; занимался в том числе научной систематизацией и регистрацией музейных коллекций по Восточной Азии. Также был собирателем ряда коллекций по Китаю и Японии для МАЭ. О научной деятельности А.И. Иванова см.: [Решетов 1996, с. 366–384; Рыбин 2008, с. 16].

¹³ Сейчас мы можем сказать, что такая характеристика не вполне корректна, ибо, как было отмечено выше, поминальные таблички *хон-ихай* не являются надгробными памятниками. Данный *ихай* также не имеет форму киота *дзуси*. Понятие «гейша», по-видимому, следует трактовать в самом широком смысле. К сожалению, А.И. Иванов не сообщил обстоятельства приобретения им этой таблички, и остается только строить предположения, каким образом предмет поминального культа оказался в руках иностранца. Возможно, у изображенной на фотографии женщины не осталось близких родственников; по прошествии нескольких лет с момента ее смерти табличка была убрана владельцами дома и попала в антикварную лавку или к старьевщику. Действительно, в Токио и в настоящее время функционирует несколько антикварных «барахолок», где попадаются разнообразные и довольно любопытные вещи.

¹⁴ Собственно, фотопортрет мог быть выполнен задолго до смерти персонажа и выбран в качестве *изи* как наиболее удачный и доступный. Фотография покрыта сверху несколькими слоями прозрачного лака, поэтому можно только предположить, что она выполнена на альбуминовой бумаге.

Иллюстрация 1. Поминальная табличка из коллекции А. И. Иванова (МАЭ № 2072-34)
(©МАЭ РАН)

Illustration 1. Mortuary tablet in the collection by A. I. Ivanov (MAE № 2072-34)
(©MAE RAS)

формы, обведен тонким золотым ободком. Табличка покрыта с обеих сторон черным лаком, пьедестал с фронтальной стороны – золотым лаком. Ниже фотопортрета золотым лаком по центру таблички написано буддийское имя упокоившейся: 郎持院妙身信女 *ро:дзиин мё:син синдзё*¹⁵; справа от имени указан год смерти: 明治四十年 *Мэйдзи ён дзю:нэн* – «эра Мэйдзи, 40-й год»; слева – месяц и день: 七月四日 «7-й месяц, 4-й день», что означает, что женщина скончалась 4-го июля 1907 г., возраст не указан. На неокрашенном донце основания пьедестала имеется пропечатанный трафаретным образом адрес мастерской в Токио¹⁶, где был изготовлен *ихай*.

И сама табличка *ихай*, и надпись *каймё*: выполнены в полном соответствии с традицией. Не остается сомнений, что данный предмет непосредственно участвовал в соответствующих похоронных ритуалах по прямому назначению, чего нельзя сказать о двух табличках из коллекции Л.Я. Штернберга.

¹⁵ По этому имени сложно определить, к какой школе японского буддизма относилась его обладательница; при этом можно высказать предположение, что в имени «зашифрован» намек на область ее занятий: первый и последний иероглифы, соответственно, *ро:* (郎) и *дзё* (女), в обратном порядке читаются как *дзёро:* (女郎) – так называли красавиц из «веселых кварталов».

¹⁶ 東京赤坂區青山 *То:кё: Акасака-ку Аояма* (г. Токио, район Акасака, Аояма).
南町三丁目一番地 *Минами-мати сан тё:мэ ити банти* (Минами-мати, 3-й квартал, дом № 1).
積善社 *Сэкидзэнся* (общество «Сэкидзэн»)
新案特許第九四五三第 *син'ан току дайкуёнгосанго:* (согласно новому плану номер 9453).

Две таблички, восходящие к материалам Л. Я. Штернберга

В ноябре 1926 г. Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927), один из ведущих советских этнографов, стоявший у истоков становления отечественной этнографии, посетил Японию, где участвовал в III Всетихоокеанском конгрессе в Токио, а затем имел возможность побывать в разных районах Японии и лично ознакомиться с разными аспектами культуры давно интересовавшей его страны. Из этой поездки ученый привез большую подборку предметов, которые передал в МАЭ и которые составили коллекции МАЭ № 3448 («Предметы быта и культа», 86 номеров, 122 единицы хранения; собиратель – Л.Я. Штернберг, регистратор А.Е. Глушкина, 1927 г.) и МАЭ № 4083 («Каменные орудия, керамика, кости животных, раковины», 109 номеров, 151 предмет)¹⁷.

Целый ряд предметов из коллекции МАЭ № 3448 экспонируется на постоянной экспозиции «Япония», в т. ч. и та самая поминальная табличка, что вызвала недоумение японских ученых. Вторая табличка из этой коллекции хранится в запасниках музея.

Форма деревянной основы обеих табличек, резной орнамент и лаковое покрытие (золотой лак с лицевой стороны, черный – с обратной) идентичны; отличаются только надписи. На той табличке, что находится на экспозиции (МАЭ № 3448-15/1) на лицевой стороне вырезана надпись из 6 иероглифов, заполненная черным лаком: 坪井博士之霊 Цубои хакасэ-но тама – «Душа доктора Цубои». На обратной стороне надписи нет.

На второй табличке (МАЭ № 3448-15/2) на лицевой стороне в такой же технике выполнена надпись: ラヅローフ博士之霊 Радзуро:фу хакасэ-но тама – «Душа доктора Радлова». На обратной стороне краской светло-охристого цвета по черному лаку написано: 西丁壺 阡九百十八年五月死亡 Сэйтэй итисэн кю:хяку дзю:хатинэн гогацу сибо: – «Господин с Запада скончался в мае 1918 года»¹⁸.

Эта надпись вызывает еще большее недоумение, т. к. Василий Васильевич Радлов (1837–1918), востоковед-тюрколог и этнограф, академик Императорской Академии наук, директор Азиатского музея с 1884 по 1890 г., директор МАЭ с 1894 по 1917 г., скончался в Петрограде, по вероисповеданию был лютеранином и похоронен в лютеранской части Смоленского кладбища.

Очевидно, что несмотря на традиционные формы и материалы этих двух табличек, надписи на них выполнены в противоречии с ритуальной практикой: отсутствует основной элемент – *каймё:*, буддийское посмертное имя покойного. Вот именно это обстоятельство и вызывало недоумение японских коллег.

Опись коллекции (МАЭ № 3448), составленная А.Е. Глушкиной в 1927 г., также не проливает свет на происхождение табличек. На с. 13 описи приводится краткое их описание:

«МАЭ № 3448-15/2. *Ihai* – 2 черные лакированные с позолотой таблицы, на которых обычно пишут имена умерших и которые хранятся в домашнем алтаре. Одна таблица – с именем академика В.В. Радлова. Другая – профессора японца *Tsuboi*, умершего в Ленинграде».

Таким образом, возникает целый ряд вопросов:

- Каким образом Л.Я. Штернберг приобрел эти таблички?
- Понимается ли под «профессором Цубои, умершим в Ленинграде» антрополог Цубои Сёгоро, и как он был связан с Л.Я. Штернбергом?
- Почему на табличке с фамилией Цубои вместо посмертного имени *каймё:* присутствует не соответствующая буддийской практике надпись?
- Каким образом японская буддийская поминальная табличка связана с академиком В.В. Радловым, и кто помог собирателю, не владевшему японским языком, сделать транскрипцию фамилии «Радлов» азбукой *катакана*?

¹⁷ О японских коллекциях Л.Я. Штернберга в собрании МАЭ РАН см.: [Кисляков 2012. с. 83–90].

¹⁸ Дата кончины указана не в соответствии с *нэнго*, а по григорианском календарю, хотя и японскими цифрами. Это противоречит традиции датировок на японских поминальных табличках.

Иллюстрация 2. Поминальные таблички из коллекции Л.Я. Штернберга (МАЭ № 3448-15/1, 2) с фамилиями Цубои Сёгоро (слева) и В.В. Радлова (справа), вид спереди и сзади (©МАЭ РАН)

Illustration 2. Mortuary tablets in the collection by L.Y. Sternberg (MAE № 3448-15/1, 2) with the family names of Tsuboi Shogoro (left) and V.V. Radlov (right), front and back views (©MAE RAS)

При этом можно утверждать, что идентичность формы, размеров и декоративного оформления табличек свидетельствует, что они были изготовлены одновременно в одной мастерской; отсутствие *каймё*: указывает, что они не использовались по прямому назначению в официальных буддийских похоронных ритуалах.

Цубои Сёгоро в Санкт-Петербурге

Можно со всей определенностью утверждать, что в городе на Неве за всю его историю скончался только один японский профессор по фамилии Цубои – Цубои Сёгоро (1863–1913), профессор Токийского императорского университета, почитаемый в Японии как первый японский физический антрополог, а также как этнограф и археолог, основатель Японского Антропологического общества (*Нихон дзинруй гаккай* 日本人類学会).

Известно, что Цубои Сёгоро в мае 1913 г. прибыл в Санкт-Петербург для участия в крупном международном научном форуме – «V Конференция Международной ассоциации академий»¹⁹, однако неожиданно для всех скоропостижно скончался 26 мая 1913 г. от приступа

¹⁹ Международная ассоциация академий (International Association of Academies) была учреждена в 1899 г. как координационный совет крупнейших академических организаций мира, включая Императорскую Санкт-Петербургскую академию наук, стоявшую у истоков Ассоциации, и Императорскую академию наук Японии (Тэйкоку гакусин 帝国学士院), присоединившуюся к Ассоциации в 1906 г. Первый съезд (Конференция) Ассоциации имел место в 1901 г. в Париже. Всего было проведено пять съездов, в которых принимали участие самые известные ученые мира. Последний, пятый съезд, был проведен с большой помпезностью в Санкт-Петербурге под председательством Е.И.В. Великого князя Константина Константиновича. В связи с началом I Мировой войны Ассоциация прекратила своего существование. Подробнее о деятельности Ассоциации см.: [Горохов 2022, с. 5–27; Вернадский 2002, с. 17–22].

перфоративного аппендицита (перитонита). Похоронен в Токио, на кладбище Сомэй рэйэн (染井霊園), где находятся могилы ряда известных ученых, литераторов и политических деятелей, на фамильном участке, где также захоронены его супруга Наоко и его отец, Цубои Синрё (*Цубои Синрё*: 坪井信良, 1823–1904), известный врач-голландовед (*рангакуся*).

Изучение конкретных обстоятельств кончины Цубои Сёгоро не входит в задачу данной статьи, однако совершенно очевидно, что ни соответствующие буддийские заупокойные ритуалы, ни церемония кремации тела скончавшегося в Санкт-Петербурге японца в 1913 г. не могли быть осуществлены в виду полного отсутствия в городе соответствующих служб²⁰. Поэтому и поминальная табличка с его именем также не могла быть ни изготовлена, ни использована по прямому назначению в Санкт-Петербурге. Доставлять *ихай* из Японии после кончины ученого для проведения похоронного ритуала вдали от его родины также не было ни времени, ни смысла. Поэтому вполне очевидно, что табличка с фамилией Цубои из собрания МАЭ РАН не имеет прямого отношения к похоронам и поминальным ритуалам в его память. Тем не менее, сам факт ее наличия в коллекции Л.Я. Штернберга свидетельствует о несомненном интересе последнего к личности, научным взглядам и наследию японского ученого.

Действительно, и Л.Я. Штернберг, и Цубои Сёгоро к 1913 г. были признанными авторитетами мирового уровня в области «культурной антропологии» (в широком понимании этого термина) и научного айноведения, авторами новаторских концепций и основателями научных школ. Их научные интересы пересекались не только в теоретическом плане, но и в географическом аспекте: и Штернберг, и Цубои Сёгоро изучали населявшие о. Сахалин народности²¹, проводили на его территории археологические исследования; развивали теории о специфике культуры айнского этноса, истории его происхождения и становления. Оба ученых по крайней мере должны были знать о научных интересах друг друга, и при личной встрече им было бы что обсудить, обменяться мнениями, по diskutieren на тему происхождения и религиозных верованиях японского и айнского этносов. Прямой контакт двух ведущих ученых в смежной области позволил бы обоим значительно расширить свой научный кругозор и наметить новые направления научных изысканий. Казалось бы, что их встреча в Санкт-Петербурге в мае 1913 г. «на полях» Конференции (Съезда) Международной Ассоциации Академий была предопределена. Однако, ввиду отсутствия документальных подтверждений их непосредственного личного контакта, приходится констатировать, что их встречи в Санкт-Петербурге в 1913 г. так и не произошло, в т.ч. ввиду внезапной кончины Цубои Сёгоро.

Тем не менее, Штернбергу все-таки удалось впоследствии, 13 лет спустя, весьма продуктивно пообщаться с коллегой Цубои Сёгоро, ведущим японским этнографом Янагита Кунио.

Л.Я. Штернберг и III Всетихоокеанский научный конгресс 1926 г.

В ноябре 1926 г. в Токио проходил III Всетихоокеанский научный конгресс, крупный международный научный форум, посвященный широкому спектру проблем Тихоокеанского региона. В нем участвовало около 600 ученых из 14 стран, включая СССР. Советская

²⁰ Первый крематорий был открыт в Ленинграде в 1927 г. В дореволюционной России погребальный обряд по японскому буддийскому ритуалу с последующей кремацией осуществлялся только во Владивостоке, где в 1886 г. японской диаспорой был открыт буддийский храм школы Ниси Хонгандзи и организована соответствующая похоронная служба. Поэтому логично предположить, что тело Цубои Сёгоро было доставлено в Японию, где и было кремировано и захоронено в полном соответствии с японской традицией.

²¹ Л.Я. Штернберг провел в ссылке на Сахалине восемь лет, с 1889 по 1897 г.; Цубои Сёгоро посетил Южный Сахалин (после русско-японской войны губернаторство Карафута) в 1907 г., где возглавлял археологический отряд Токийского государственного университета, проводившего раскопки стоянок в дер. Кайдзука и в устье р. Суся. О деятельности Цубои Сёгоро на Сахалине, его научных концепциях и вкладе в науку см.: [Прокофьев 2006, с. 23–26; Василевский 2008, с. 184–185; Щепкин, 2023, с. 749–751].

делегация, возглавляемая академиком В.Л. Комаровым, была представлена 10 учеными разных направлений, включая Л.Я. Штернберга,²² [Груздева 2021, с. 300–301], выступившего с докладом по «айнской проблеме» [Штернберг 1926, с. 330–331]. Ввиду столь значительного числа участников конгресса, собственно на доклады выделялось довольно мало времени – от 5 до 15 минут. Однако целью форума было не только заслушивание научных докладов, но и живое общение и обмен мнениями между учеными из разных стран, представлявших разные научные школы и направления, «в кулуарах» конгресса. Участники отмечали прекрасную организацию этого форума, несмотря на огромный ущерб, нанесенный Японии за три года до этого разрушительным землетрясением²³. В их честь был организован ряд приемов на самом высоком уровне и ознакомительная поездка по стране с посещением разных регионов и их значимых культурно-исторических центров (Токио, Хаккодате, Никко, Хаконэ, Миядзима, Киото, Нара, Осака, Кобэ, Симоносэки, Кагосима)²⁴.

Л.Я. Штернберг использовал пребывание в Японии как для целенаправленного сбора этнографических материалов для МАЭ, так и для общения с коллегами. В своей статье «Этнография на III Всетихоокеанском научном конгрессе в Токио в ноябре 1926 г.» он оставил следующие весьма примечательные комментарии: *«И я лично с чрезвычайной признательностью вспоминаю свои беседы с упомянутым профессором Янагида и русским японистом, давно живущим в стране, профессором Невским, специально занимающимися шаманством, первый в северной Японии, второй – кроме того еще на островах Лиу-Киу. Для меня сообщенное ими было настоящим откровением. В литературе, в том числе и японской, их материалы еще не опубликованы.*

Японцы более склонны к наукам точным, поэтому много занимаются физической антропологией и археологией; этнография пока в некотором пренебрежении. Из гуманитарных наук, правда, в большем почете история Японии, да еще буддизм, но народная религия мало кого интересует. А между тем, кто мог думать, что Япония – типичная страна шаманства, и притом совершенно своеобразного шаманства. Оно до настоящего дня настолько распространено, что правительство содержит целый ряд духовных семинарий, выпускающих квалифицированных шаманов (так называемых мико), третируемых в духе шинтоизма, который, несмотря на все старания правительства сублимировать его, недалеко ушел от шаманства. У одной из представительниц шаманства, молодой женщины, окончившей такую школу, я в Хаккодате даже попробовал «лечиться» и, конечно, с большим успехом... для своего этнографического просвещения» [Штернберг 1926, с. 330–331].

Таким образом, Л. Я. Штернберг прямо отмечает:

– что он видит прямые параллели между традициями японского Синто и сибирским и дальневосточным шаманизмом;

– установил непосредственные контакты в Японии с Янагита Кунио и Н.А. Невским (1892–1937), что весьма способствовало как более глубокому «погружению» в этнографические реалии Страны восходящего солнца, так и успешному сбору материалов и предметов для коллекции. Кроме того, контакт с Янагита Кунио во многом определил успех научной командировки в Японию в 1928 г. А.Е. Глускиной, младшей коллеги

²² Естественные науки представляли В.Л. Комаров (ботаника), П.М. Никифоров (сейсмология), П.Ю. Шмидт (зоология), Л.С. Берг (география, ихтиология), Б.П. Пентегов (химия), П.И. Полевой, Э.Э. Анерт (геология); гуманитарные – Л.Я. Штернберг (этнография), Е.М. Чепурковский (антропология), В.Д. Виленский-Сибиряков (история).

²³ Имеется в виду Великое землетрясение в Канто (*Канто: дайсинсай 關東大震災*), случившееся 1 сентября 1923 г.

²⁴ Отзывы участников советской делегации на Конгрессе см.: [Берг 1927, с. 386–392; Пентегов 1927, с. 382–386].

Л.Я. Штернберга по МАЭ²⁵. Что касается Н.А. Невского, блестяще проявившего себя также и в области японской и айнской этнографии и мифологии, с ним Штернберг завязал переписку и научный обмен. Именно Н.А. Невский выступил в роли «проводника» для Л.Я. Штернберга в реалии японской этнографии, в т. ч. обратил внимание на рудименты японского шаманизма²⁶, сохранившегося в Синто, а также обеспечивал знакомство с японскими этнографами, тем же Янагита Кунио, и их трудами²⁷.

Наличие в собранной Штернбергом коллекции таблички *ихай* с фамилией Цубои позволяет сделать вывод, что во время упомянутых бесед с Янагита и Невским речь заходила о Цубои Сёгоро и о его кончине в 1913 г., и о здравствующем тогда профессоре А.И. Иванове (чьим прямым учеником был Н.А. Невский), а также о скончавшемся в 1918 г. В.В. Радлове.

Действительно, Штернберга с В.В. Радловым связывали долгие годы научного сотрудничества и совместной работы в стенах музея. Именно благодаря покровительству Радлова бывший народоволец, политзаключенный и ссыльный получил возможность реализовать свой научный потенциал на штатной должности в официальном учреждении Императорской академии наук²⁸.

Исходя из научных интересов самого Штернберга, можно предположить, что он в принципе рассматривал *ихай* как наглядный образец присутствия в буддийских похоронных практиках элементов синтоизма и шаманизма, в т.ч. пережитков культа предков (манизма), анимизма (присутствия «души» в материальных объектах) и метемпсихоза («переселения» души из одного объекта в другой) и хотел приобрести образцы для МАЭ. Однако у него не было возможности (в отличие от А.И. Иванова) приобрести таблички, уже использовавшиеся в ритуале; поэтому, увидев в соответствующей мастерской «пустые» таблички (без *каймё*:), заказал выполнить на них надписи в память Цубои и Радлова, чтобы таким своеобразным способом отдать дань уважения памяти обоих ученых²⁹.

И, как представляется, именно Н.А. Невский мог предложить текст надписей на обеих табличках, транскрибировал азбукой *катакана* фамилию «Радлов», а также помог выбрать мастерскую и сделать заказ. Не владеющему японским языком Штернбергу без помощи Невского было бы крайне сложно справиться с этой задачей, в т.ч. адекватно объяснить японским мастерам – изготовителям табличек свой замысел³⁰.

Как представляется, Штернберг не считал уместным объяснять коллегам по музею обстоятельства приобретения этих табличек, и потому составлявшая опись этой коллекции А.Е. Глускина (вероятно, испытывая определенное замешательство в виду очевидного противоречия между традиционностью самих *ихай* и необычностью нанесенных на них надписей) ограничилась лишь самым лапидарным комментарием³¹.

²⁵ О собранных А.Е. Глускиной японских коллекциях для МАЭ см.: [Синицын 2022, с. 63–73].

²⁶ О взглядах Янагита Кунио и Н.А. Невского на японский шаманизм более подробно см.: [Янагита 2023, с. 14–93; Невский 2023, с. 119–133].

²⁷ О контактах и переписке Л.Я. Штернберга и Н.А. Невского см.: [Решетов 1996, с. 366–384]. О философско-этнологических концепциях Янагита Кунио и его пути становления как ученого см. [Мещеряков 2017, с. 223–245; Мещеряков 2020, 352 с.].

²⁸ О покровительстве В.В. Радлова при устройстве Л.Я. Штернберга на официальную службу в МАЭ см.: [Михайлова 2012, с. 9–21].

²⁹ Не последнюю роль в возникновении замысла изготовления этих табличек должно было сыграть также весьма специфическим чувством юмора, которым обладал Л.Я. Штернберг и которое отмечали многие его коллеги. Об этом см.: [Березницкий 2012, с. 324–332].

³⁰ Можно предположить, что даже самому Н.А. Невскому, несмотря на великолепное владение японским языком, было весьма непросто объяснить смысл такого экстравагантного заказа японским мастерам.

³¹ Многие описи, составленные А.Е. Глускиной, содержат гораздо более развернутые и подробные описания коллекционных предметов, нередко с изложением обстоятельств их приобретения.

Выводы:

– Кремация останков Цубои Сёгоро, скончавшегося 26 мая 1913 г., как и похоронные ритуалы по японскому буддийскому церемониалу, не могли быть осуществлены в Санкт-Петербурге ввиду отсутствия в городе соответствующих возможностей.

– Поминальная табличка с фамилией Цубои была выполнена значительно позже, причем в противоречии с традицией, поэтому не могла использоваться в ритуале.

– Л.Я. Штернберг преднамеренно заказал похоронные таблички с фамилиями Цубои и Радлова в Токио, что подчеркивает, с одной стороны, его интерес к японским погребальным культам, в которых он видел пережитки архаичного шаманизма, с другой стороны, его глубокое уважение к личностям японского антрополога Цубои Сёгоро, с которым так и не смог наладить контакт при его жизни, и В.В. Радлова, который был его прямым руководителем в течении долгих лет совместной работы в МАЭ.

– Обе таблички, как с фамилией Цубои, так и с фамилией Радлова, можно рассматривать как специфический «этнографический курьёз», преднамеренно созданный Л.Я. Штернбергом, предположительно при участии Н.А. Невского и Янагита Кунио.

– Все три японские поминальные таблички из собрания МАЭ РАН отражают специфику научных контактов таких выдающихся ученых России и Японии первой четверти XX в., как Цубои Сёгоро, Янагита Кунио, А.И. Иванова, Н.А. Невского и Л.Я. Штернберга, и потому являются значимыми мемориальными артефактами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Берг Л.С.* Впечатления от Японии. *Природа*. 1927. № 5. С. 386–392.
- Березницкий С.В.* Юмор в жизни и творчестве Л.Я. Штернберга // *Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 2012. С. 324–332.
- Василевский А.А.* История Сахалина и Курильских о-в с древнейших времен до начала XXI столетия. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство. 2008.
- Вернадский В.И.* Международная ассоциация академий. *Вернадский В.И. О науке. Т. II. Научная деятельность. Научное образование*. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ. 2002. С. 17–22.
- Гловацкий Г.А.* Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии» в МАЭ // *Советская этнография*. 1970. № 3. С. 175–182.
- Горохов А., Виторович З., Макоева Д.* Истоки научной дипломатии: Международная ассоциация академий, Пагуошские и Дартмутские конференции. *Русская политология – Russian Political Science*. 2022. № 1 (22). С. 5–27
- Груздева Е.Н.* Неформальный дневник III Тихоокеанского научного конгресса или прием на высшем уровне по-японски. *Архивный поиск. Сборник научных статей и публикаций. Выпуск 4*. Москва: Архив РАН. 2021. С. 297–320.
- Кисляков В.Н.* Японские коллекции Л.Я. Штернберга, хранящиеся в МАЭ РАН // *Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 2012. С. 83–90.
- Мещеряков А.Н.* Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. Москва: «Лингвистика». 2020.
- Мещеряков А.Н.* Этнолог Янагита Кунио: долгий путь к признанию // *Ежегодник Японии*. 2017. Т. 47. С. 223–245.
- Михайлова Е.А.* Л.Я. Штернберг в Музее антропологии и этнографии АН: успехи и разочарования // *Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*. СПб.: МАЭ РАН. 2012. С. 9–21.

- Невский Н.А. Краткий отчет о занятиях в Японии. *Янагита Куньо. Японский шаманизм (фудзё ко) / пер. с яп. Н.А. Невского*. Москва: «Альма Матер». 2023. С. 119–133.
- Пентегов Б.П. Третий Тихоокеанский конгресс в Токио в 1926 г. // *Природа*. 1927. №. 5. С. 382–386.
- Прокофьев М.М. Японские ученые – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX – первая половина XX вв.). Библиографические очерки. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство. 2006.
- Решетов А.М. Н.А. Невский как этнограф. К столетию со дня рождения ученого. *На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии*. Петербургское Востоковедение. Выпуск 8. 1996. С. 366–384.
- Рыбин В.В. Кафедре японской филологии 110 лет. *Вопросы японоведения № 2*. Санкт-Петербург. 2008. С. 3–95.
- Синицын А.Ю. Японские коллекции А.Е. Глускиной в собрании Музея антропологии и этнографии. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2022. Т. 21. № 10: Востоковедение. С. 63–73.
- Штернберг Л.Я. Этнография на III Тихоокеанском научном конгрессе в Токио в ноябре 1926 г. *Этнография*. 1927. № 2. С. 330.
- Щепкин В. В. Цубои Сёгоро и идеи об общем происхождении японцев и айнов. *XXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию Санкт-Петербурга. Материалы конгресса / под ред.: Н.Н. Дьякова, А.О. Победоносцевой-Кая, П. И. Рысаковой*. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА. 2023. С. 749–751.
- Янагита Куньо. Японский шаманизм (фудзё ко) / пер. с яп. Н.А. Невского*. Москва: «Альма Матер». 2023.

REFERENCES

- Bereznitskiy, S. (2012). Yumor v zhizni i tvorchestve L.Ya. Sternberga [Humor in the Life and Creative Heritage of L.Ya. Sternberg]. In: *Lev Sternberg – grazhdanin, uchenyi, pedagog* [Lev Sternberg – Citizen, Researcher, Educator] (pp. 324–332). Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russian).
- Berg, L.S. (1927). Vпечатleniya ot Yaponii [Impressions After Visiting Japan]. *Priroda*, 5, 386–392. (In Russian).
- Glovatskiy, G.A. (1970). Novaya expozitsiya “Kul’tura i byt naseleniya Yaponii” v MAE [A New Exposition “Culture an Everyday Life of the Japanese” in the MAE]. *Sovetskaya Etnografiya*, 3, 175–182. (In Russian).
- Gorokhov, A., Vitorovich, Z., Eleeva, D. (2022). Istoki nauchnoi diplomatii: Mezhdunarodnaya assotsiatsiya akademii, Paguoshskie i Dartmutskie konferentsii [Origins of Scientific Diplomacy: International Association of Academies, Pugwash and Dartmouth Conferences]. *Russkaya Politologiya* [Russian Political Science], 1 (22). (In Russian).
- Gruzdeva, E. (2021). Neformal’nyi dnevnik III Tikhookeanskogo nauchnogo kongressa ili priem na vysshem urovne po-yaponski [The Informal Diary of the Third Pan-Pacific Scientific Congress, or Japanese-Style Reception at the Top Level] (pp. 297–320). In: *Arkhivnyi poisk. Sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [The Archive Research. Collection of Articles and Publications]. Moscow: Archive RAG. (In Russian).
- Kislyakov, V. Yaponskaya kolleksiya L.Ya. Sternberga, khranyashchayasya v MAE RAN [Japanese Collection by L.Ya Sternberg in the MAE RAS]. In: *Lev Sternberg – grazhdanin, uchenyi, pedagog* [Lev Sternberg – Citizen, Researcher, Educator] (pp. 83–90). Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2017). *Etnolog Yanagita Kunio: dolgii put’ k priznaniyu* [Ethnologist Yanagita Kunio: A Long Way to Recognition]. *Yearbook Japan*, 46, 223–245. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2020). *Ostat’sya yapontsem: Yanagita Kunio i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Staying Japanese: Yanagita Kunio and His Team. Ethnology as a Form of the Existence of the Japanese People]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).

- Mikhailova, E.A. (2012). L.Ya. Sternberg v Muzee antropologii i etnografii AN: uspekhi i razocharovaniya [L. Ya. Sternberg in the Museum of Anthropology and Ethnography: Achievements and Disappointments]. In: *Lev Sternberg – grazhdanin, uchenyi, pedagog* [Lev Sternberg – Citizen, Researcher, Educator] (pp. 9–21). Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russian).
- Nevskiy, N.A. (2023). Kratkii otchet o zanyatiyakh v Yaponii [A Short Report About Studies in Japan]. In Yanagita Kunio. *Yaponskiy shamanism (fujo ko). Perevod s yaponskogo N.A. Nevskogo* [Japanese Shamanism (Fujo-ko). Translated from Japanese by N.A. Nevskiy] (p. 119–133). Moscow: Alma Mater. (In Russian).
- Pentegov, B.P. (1927). Tretii Tikhookeanskii congress v Tokio [The Third Pan-Pacific Congress in Tokyo]. *Priroda*, 5, 382–386. (In Russian).
- Prokofyev, M.M. (2006). *Yaponskie uchenye – issledovateli Yuzhnogo Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov (konets XIX – pervaya polovina XX vv.). Bibliograficheskiye ocherki.* [Japanese Researchers – the Explorers of Southern Sakhalin and the Kuril Islands (late 19th – early 20th cc.). A Bibliographical Essay]. Yuzhnosakhalinsk: Sakhalin Book Publishing. (In Russian).
- Reshetov, A. (1996). N.A. Nevskiy kak etnograf. K stoletiyu so dnya rozhdeniya. [N.A. Nevskiy as an Ethnographer. On the Centenary of his Birth]. In: *Nickolay Nevskiy. Perevody, issledovaniya, biograficheskie materialy* [Nickolay Nevskiy. Translations, Research Essays, Biographic Materials]. Peterburgskoye Vostokovedenie, Issue 8 (pp. 366–384). (In Russian).
- Rybin, V.V. (2008). Kafedre yaponskoi filologii 110 let. [110 Years of the Department of Japanese Philology]. *Issues of Japanology*, 2, 3–95. (In Russian).
- Shchepkin, V. (2023) Tsuboi Shogoro i ideii ob obshchem proiskhozhdenii yapontsev i ainov [Tsuboi Shogoro and His Ideas About Common Origins of the Japanese and the Ainu]. In N. Dyakov et al (ed.), *XXXII International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Russia and the East. Commemorating 300th anniversary of Saint-Petersburg State University. Proceedings* (pp. 749–751). Saint Petersburg: RCAH Publishing House. (In Russian).
- Sinitsyn, A. (2022). Yaponskiye kolleksii A.E. Gluskinoi v sobranii Muzeya antropologii i etnografii. [Japanese Collections by Anna E. Gluskina in the Museum of Anthropology and Ethnography]. *Vestnik NGU. Series: History and Philology, Oriental Studies*, 21 (10), 63–73. (In Russian).
- Sternberg, L. (1927). Etnografiya na III Tikhookeanskom nauchnom kongresse v Tokio v noyabre 1926 g. [Ethnography at the III Pan-Pacific Scientific Congress in November 1926]. *Etnografiya*, 1927, 2, 327–336. (In Russian).
- Vasilevskiy, A.A. (2008). *Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh o-v s drevneyshikh vremen do nachala XXI stoletiya* [History of Sakhalin and the Kuril Islands since the Ancient Times Until the Early 21st c.]. Yuzhno-Sakhalinsk: The Sakhalin Book Publishing House. (In Russian).
- Vernadskiy, V.I. (2002). Mezhdunarodnaya assotsiatsiya akademii [International Association of Academies]. In Vernadskiy, V.I. *O nauke. Nauchnaya deyatel'nost'. Nauchnoe obrazovanie.* [About Science. Scientific Activities. Scientific Education] (pp. 17–22). Saint Petersburg: RHGI Publishing. (In Russian).
- Yanagita, Kunio (2023). *Yaponskii shamanism (fujo ko). Perevod s yaponskogo N.A. Nevskogo* [Japanese Shamanism (Fujo-ko). Translated from Japanese by N.A. Nevskiy] (pp.14–93). Moscow: Alma Mater. (In Russian).

* * *

Irizarry, J.A. (2014). Signs of Life: Grounding the Transcendent in Japanese Memorial Objects. *Signs and Society*, 2 (S1), 160–186.

Поступила в редакцию: 16.01.2024

Received: 16 January 2024

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024